

Анастасия Цветаева

«Легенды и были трех сестер»

105 лет назад родилась Анастасия Цветаева

Младшая из трех сестер Цветаевых, Ася, как ее называли домашние, не дожидаясь чуть больше года до 100 лет. Сегодня Анастасия Ивановна могла бы отметить свое уже 105-летие.

В редакцию «МК» случайно попали уникальные пленки с записью бесед композитора и историка Владимира Соловьева с Анастасией Ивановной, сделанные в 1986 году. Тогда она сказала: «Можете гордиться тем, что это мое последнее интервью. Я их имела несколько, и мне уже достаточно. На известность мне наплевать, у меня ее больше, чем нужно, и она только вредна. Мне нужно работать и писать».

Никогда ранее эти ее рассказы нигде не публиковались. Известная писательница вспоминала о поэте Марине Цветаевой, своих первых опытах в амурных делах, неудачах в кулинарии, детских играх с Максимом Горьким и о многом другом...

ЛЮБОВНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК

— Мы вдвоем с Мариной влюбились в одного молодого человека. Это был 23-летний ученик нашего отца, переводчик Гераклита, еще студент. И он тоже влюбился в обеих, потому что тоже не мог решить, кого из нас выбрать. А потом он решил, что если он так влюбился в доме у профессора, то должен сделать предложение старшей по возрасту дочери. Тогда мне было 15, а ей 17 лет.

А она вовсе не собиралась выходить замуж — для нас в то время влюбиться вовсе не значило стать женой, какой кошмар! Мы хотели быть свободными, писать стихи, прозу. Поэтому она ему отказала, и все это кончилось ничем. Но остались прекрасные стихи об этой любви, которые мы и прочитали впервые публично.

ФУРОР ГИМНАЗИСТОК

— Наши с Мариной голоса были настолько похожи, что старшая сестра из соседней комнаты не отличала, кто говорит, и голоса, и интонации были одинаковые. Первый раз публично мы с ней выступали осенью 1911 года в обществе «Эстетика», где читали стихи «Зимняя сказка»:

Мы слишком молоды, чтобы
забыть того, кто в нас развеял чары.
Но чтоб опять так нежно полюбить —
мы слишком стары.

Там было такое правило: все выступления принимались молча, не аплодируя. И надо было уметь понять, что твое выступление удалось. Но когда мы с Мариной, еще в гимназических платьях, окончили читать стихи, то, наверно, в ответ на последнюю строчку раздался шквал рукоплесканий, как будто рухнуло что-то. А мы читали очень тихо, без всяких жестов, не так, как теперь читают.

Кстати, я уже говорила об этом публично, поэтому могу повторить. Когда я уже в старости выступала с Беллочкой Ахмадулиной, я сказала, что хуже стихов никто никогда не читал, чем Василий Иванович Качалов. Он чудно читал прозу, но и стихи он тоже читал как прозу: с запятыми, восклицательными знаками, нарушая ритм.

Я никогда не заучивала специально Маринины стихи — она их прочитывала мне 2-3 раза, и этого было достаточно, потом мы читали уже вместе.

МАКС НА ШЕЕ И НЕПРИЛИЧНЫЕ ПЛАТЬЯ

— Мы жили в Ялте в последнюю зиму жизни нашей матери, которая болела туберкулезом. Над нами жила Екатерина Павловна Пешкова со своим сыном Максом, которому тогда было 8 лет. Мы с ним часто играли во дворе, и я катала его на себе верхом. А Екатерина Павловна говорила: «Макс, как тебе не стыдно! Ведь Асе трудно, ты же тяжелый!», — и настаивала на том, чтобы я его спустила...

Уже в военные годы я восхищалась «Детством» Горького, а в 1927 году написала ему письмо. Тогда ему было 60 лет и он жил в Сорренто. Он сразу прислал мне приглашение к себе... Мне нужно было прилично приехать из Союза, чтобы на меня не обращали внимание. И я захотела остановиться на один день в Вене, чтобы купить пару платьев. Но когда я зашла в магазин, то увидела, что они все короткие, до колен, а мне это уже было неприлично — мне было 33 года. Тогда я выбрала два платья с большими матросскими воротниками, остановилась в гостинице и перешила их. Я разрезала на части эти воротники, и, так как платья были довольно узкие, легко удлинит их...

ОБРЫВКИ ИЗ ПРОШЛОГО

— Мне 92-й год, и я считаю, что совершенные идиоты американцы, которые говорят: «Time is money»

— "Время — деньги". Любым искусством, ремеслом мы можем заработать себе денег, сколько хотим, а времени себе не можем прибавить и получаса, поэтому мне сейчас важно в жизни ни одного часа не тратить зря. Или работать, или отдыхать.

— Я помню себя лет с трех. А когда мне было 6 лет, мы переехали в Тарусу. Очень редко мы добирались на дачу (в 1,5 км от дома) пароходом по Оке, чаще ездили в повозке с бубенчиками. Каждый год мы оставляли на даче кучу вещей, и за все время

нас ни разу не обокрали и ничего не пропало. А между тем там были люди — плотогоны, которых боялись. Они перегоняли плоты по Оке, и наверняка среди них было много не верующих ни в какого Бога, которые могли убить или украсть.

— У нас в гостиной стоял рояль. Наверное, за некоторое время до того, как умерла от голода Маринина трехлетняя дочь Ирина, в 1920 году, Марина поменяла этот рояль на мешок черной (ржаной) муки...

ПРАЗДНИЧНЫЙ ПУДИНГ ОТ МОЛОХОВЕЦ

— У нас была прислуга — Устюша. Мы всегда отпускали ее на воскресенье, и в этот день я сама должна была готовить. В книге было написано, что белой муки надо взять столько-то. Я поискала в Устюшином царстве муку, взяла самую белую, даже голубоватую, и сделала пудинг. Он чудно пах, когда испекся, на всю квартиру. Я положила туда изюм, цукаты, всякие запахи, которые тогда продавались. Но, когда мы поставили его на стол, он не поддавался никакому ножу. Борис (муж Анастасии Цветаевой. — **М.К.**) сказал: «Позволь, я сейчас принесу косарь». Но это было совершенно твердое яичко — оно благоухало, но не поддавалось. «Это сатанинское кушанье, надо ударить его посильнее», — сказал Борис. Пудинг раскололся на две части, и оттуда посыпались цукаты и орехи... Я так и не поняла, почему так случилось.

Когда вечером пришла Устюша, она сразу спросила: «Где же торт?» Борис галантно подвел ее к помойному ведру и показал, что торт лежит там. Устюша пошла на кухню посмотреть, что же я взяла, и, вернувшись, сказала: «Эх, видно, что господа!» Оказывается, я сделала его на крахмале (картофельной муке)...

БАБУШКА-ПОЛИГЛОТ

— С 5 лет я начала учить внучку Риту (первая дочь Андрея Трухачева, сына Анастасии Цветаевой. — **М.К.**) английскому языку. С 7 лет мы с ней свободно разговаривали только по-английски. В 12 лет она перешла в 5-й класс, и мне многие говорили: «Как ей теперь будет легко учиться, она же все знает». Я ответила: «Неужели вы думаете, что я ей дам проходить всю школу то, что она уже знает? Я включу ее во французскую группу». На каждое лето я ее забирала к себе, и мы с ней за лето проходили тот учебник, который ее класс будет проходить весь следующий год. Но точными науками Рита никогда не интересовалась: ни математикой, ни химией.

Когда начался 11-й класс, Рита сказала: «Здесь учиться вообще нечему, все повторение». Влюбилась в какого-то мальчишку, ходили они в кино... Когда, она получила аттестат, там было 9 троек по всем предметам и лишь одна пятерка по французскому. Это поражало потому, что пятёрки по языкам вообще не ставили — их очень плохо преподавали... Но у остальных-то были хоть четверки по всем предметам, и я сказала начальству в школе: «Куда же она сможет поступать с одной пятеркой?»

При царе обязательно учили в школе два языка — немецкий и французский, а в советских школах оставили только один язык. Руководство сделало исключение —

проэкзаменовало Риту по английскому языку и поставило в аттестат еще одну пятерку. Потом она собралась поступать в педагогический институт, и тут выяснилось, что надо сдавать немецкий язык. Я ей сказала: «Не бойся, подавай документы. У нас есть 10 дней, и мы с тобой будем усиленно заниматься немецким». За 2 недели мы прошли учебник, и она поступила.

ТРОИЦА ЕЛОЧЕК: МУСЯ, ЛЁРА, АСЯ

— Мы были три папины дочки. Сестра Валерия была старше меня на 12 лет и на 10 лет старше Марины. С тех лет, что я себя помню, у нас в саду росли три елочки: одна была Мусей, вторая — Лёрой, третья — Асей. Они росли напротив наших светелок. В 1959 году, после долгого отсутствия, я приехала из Москвы в Тарусу (где прошло детство сестер Цветаевых. — **М.К.**) к моей старшей сестре. Мы встретились (Марины не стало еще в 1941 году), и Лёра сказала мне: «Пойди на нашу дачу и посмотри: наши с тобой елочки живы, а Муся засохла». Я пошла посмотреть — так и было... Последний раз я была там давно, и больше мне туда не хочется ездить — для меня это большое кладбище: в 1904 году там умер на нашей даче Борис Усатов, в 1906-м — наша мать, в 1966-м умерла Валерия Цветаева, моя старшая сестра, а за семь месяцев до этого я везла туда урну с прахом ее мужа. Теперь все это сровняли, с землей и сделали танцплощадку.

(источник — Мария Костюкевич «Легенды и были трех сестер» , «Московский комсомолец» 27.09.1999, стр. 8)